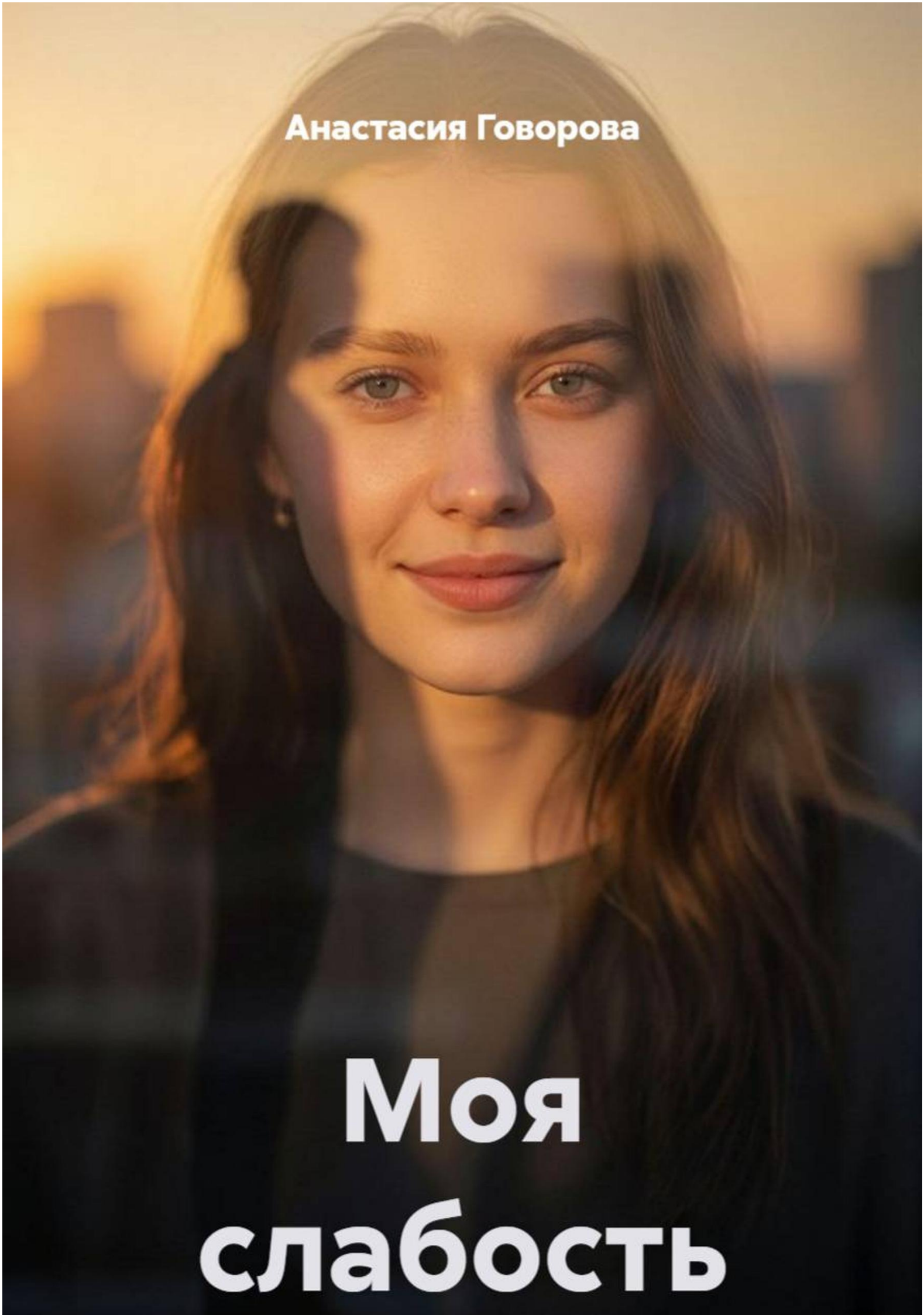

Анастасия Говорова
Моя
слабость

Анастасия Говорова

Моя слабость

«Автор»
2026

Говорова А.

Моя слабость / А. Говорова — «Автор», 2026

Я уже предвкушала, как моя жизнь вот-вот войдет в новую, успешную фазу. Отличное образование, работа в солидной компании – казалось, все идет по плану, как по написанному. И тут вдруг – что могло пойти не так? Оказалось, я упустила из виду один, казалось бы, незначительный, но чертовски важный момент: мою потенциальную роль в чьей-то... слабости. Да-да, вы не ослышались. Мой новый начальник, как выяснилось, имеет весьма... своеобразные увлечения. Хотя, если не брать в расчет эту деталь, мужик он, в общем-то, неплохой.

© Говорова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анастасия Говорова
Моя слабость

Глава 1

"Соня"

Такси тормозит так резко, что я едва успеваю схватиться за сумку с ноутбуком. Водитель что-то бурчит про пробки на Садовом, но я уже не слушаю — смотрю вверх, через лобовое стекло, туда, где на фасаде из стекла и стали горят белые буквы: «LUNA».

Логотип огромный, минималистичный, без лишних завитков. Я расплачиваюсь, выхожу и несколько секунд просто стою на тротуаре, задрав голову. Здание отражает утреннее небо, серое с просветами, и кажется, что буквы висят прямо в облаках. Двадцать лет истории уместились в этот фасад, а я здесь — со своим чемоданом эскизов и перелётом за плечами, который до сих пор гудит в висках.

«Соня Миронова, Москва, 9:48, первый день», — мысленно отмечаю, как будто заполняю график проекта. Привычка. Так проще.

Внутри — прохлада кондиционеров и запах свежего кофе, который почему-то пахнет дороже, чем должен. За стойкой ресепшена меня встречает девушка в строгом сером костюме, с улыбкой настолько отработанной, что кажется частью дресс-кода.

— Соня? — она произносит моё имя без отчества, легко, будто мы знакомы сто лет. — Я Катя, из кадрового. Это я вам писала.

— Да, спасибо, что встретили.

— Да о чём вы, — она машет рукой и протягивает пропуск на шнурке. — Вот, держите. Тут ваше фото уже есть, не переживайте, мы его из личного дела взяли, хорошее получилось.

Фото и правда неплохое — я на нём выгляжу увереннее, чем чувствую себя сейчас.

Мы идём к лифтам через холл, где на стенах — увеличенные фотографии из архива: показы девяностых, зернистые, с плечистыми пиджаками и смелыми цветами, потом нулевые, чище и строже, и ближе к лифту — последние коллекции, глянцевые, узнаваемые. История компании, выложенная в хронологии, как на витрине музея.

— «Luna» в этом году двадцать лет, — говорит Катя, нажимая кнопку восьмого этажа. — Основал ещё отец нынешнего президента, представляете? Для России это, считайте, старожил. Многие у нас по пятнадцать лет работают, с самого начала почти.

— Впечатляет, — говорю я, и это даже не вежливость. Двадцать лет в индустрии, где коллекции живут три месяца, а бренды закрываются быстрее, чем успевают провести вторую линию, — это действительно впечатляет.

Лифт мягко трогается, и в зеркальной стене напротив я вижу своё отражение целиком, впервые за последние сутки. Светлые волосы собраны в низкий хвост, блузка цвета слоновой кости — кажется, помялась где-то между аэропортом и такси. Я машинально поправляю воротник, разглаживаю складку у плеча. Жест мелкий, но предательский: так я делаю, только когда нервничаю.

Катя что-то продолжает рассказывать — про столовую на минус первом, про то, что вайфай иногда «шалит» в дальнем крыле, — но её голос отступает куда-то на второй план, потому что в зеркале, за моим отражением, мелькает другое: четыре года назад, коридор Parsons, стеклянные двери с той же холодной отрешённостью, и шёпот за спиной, который я тогда сделала вид, что не услышала.

«Она здесь по связям, слышала? Дядя у неё где-то в приёмной комиссии».

Неправда. Полная, бессовестная неправда — ни дяди, ни связей, только три бессонных месяца над портфолио и стипендия, которую я вырывала зубами. Но это уже не имело значения. Слух прилип, как жвачка к подошве: его можно было соскребать месяцами, и всё равно где-то оставался липкий след.

Я тогда поклялась себе, что больше никогда не позволю этому повториться. Что буду работать так, чтобы сомнений не оставалось в принципе, — ни у кого, ни на секунду.

Лифт звякает, останавливаясь, и я мысленно одёргиваю себя: не сейчас. Здесь меня никто не знает, здесь нет шёпота за спиной — пока нет. И не будет, если я сделаю всё правильно.

Никаких поблажек. Только работа, только результат. Пусть судят по эскизам, а не по тому, откуда я взялась и кто меня сюда позвал.

Двери расходятся, и в опенспейс обрушивается шум — гул голосов, стук каблуков по светлому паркету, где-то вдалеке жужжит швейная машина, кто-то смеётся резко и коротко. Пахнет кофе и чем-то ещё — свежей тканью, немного похожей на запах новой книги, с лёгкой ноткой клея и синтетики. Я узнаю этот запах сразу: так пахнет любая мастерская в день, когда шьются образцы.

— Ну вот, — говорит Катя, поворачиваясь ко мне с той же отработанной улыбкой. — Креативный отдел. Через десять минут собрание, представим вас всем сразу, одним махом.

Я киваю, расправляю плечи и делаю шаг вперёд, в этот гул, запах и свет, который льётся из панорамных окон во всю стену. Где-то там, за стеклянными перегородками переговорных, мелькают силуэты людей, которых я ещё не знаю по именам, но уже обязана убедить.

Воротник блузки больше не требует внимания. Я иду вперёд, и каблуки стучат по паркету ровно, уверенно, будто я делаю это каждый день уже лет десять.

* * *

Переговорная встречает меня запахом клея и накрахмаленного хлопка. Вдоль одной стены выстроились манекены в разной степени готовности: на одном болтается недошитый жакет, на другом — голая основа без ткани, только чёрный каркас. На столе разложены образцы — шёлк, твид, что-то фактурное, шерстяное, перехваченное булавками. Катя подводит меня к свободному стулу, прямо между раскроенным куском бордового бархата и манекеном без головы, и шепчет что-то вроде «садитесь, сейчас начнём», после чего растворяется в коридоре.

Я сажусь, кладу сумку на колени и чувствую на себе взгляды — не все сразу, но достаточно, чтобы спина выпрямилась сама собой. В комнате человек пятнадцать, разговоры не прерываются, просто становятся чуть тише, как будто убавили громкость, но не выключили звук совсем.

Женщина у окна поворачивается первой. Высокая, в чёрном, с идеально ровным проборо́м и губами цвета вишни, она окидывает меня взглядом сверху вниз — медленно, со вкусом, будто оценивает отрез ткани на предмет брака.

— А, это вы, — говорит она таким тоном, словно уже всё про меня знает. — Новенькая. Из Нью-Йорка, да? Parsons.

— Да, — отвечаю я ровно. — Соня.

— Марина, — представляется она, не протягивая руки. — Заместитель креативного директора. — Пауза, в которой она успевает окинуть взглядом мою блузку, туфли, сумку на коленях. — Говорят, с иностранным дипломом тут сразу открываются все двери. Повезло вам.

В животе тянет знакомым холодком — тем самым, из коридора Parsons, из шёпота за спиной. Я чувствую, как лицо на секунду каменеет, но тут же заставляю уголок губ приподняться.

— Повезло, да, — говорю я с лёгкостью, которая стоит мне заметных усилий. — Три года бессонных ночей над портфолио — это, конечно, чистое везение. Говорят, если достаточно не спать, удача сама находит.

Кто-то за соседним столом хмыкает, пряча улыбку в чашке кофе. Марина чуть сужает глаза, и я вижу, что укол не достиг цели так, как она рассчитывала, — а это, пожалуй, единственное, что мне сейчас нужно.

Договорить она не успевает: дверь открывается, и разговоры в комнате стихают разом, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Я поднимаю взгляд вместе со всеми. В переговорную входит мужчина — высокий, в тёмном костюме, без галстука, с таким лицом, на котором хочется искать трещину и не находишь её. Тёмные волосы зачёсаны назад, движения скупые, уверенные, как у человека, который давно привык, что комната замолкает, стоит ему переступить порог.

— Это Алекс, — тихо произносит кто-то рядом, хотя можно было и не говорить: по тому, как все вытягиваются на стульях, и так понятно, кто здесь главный.

Он останавливается у торца стола, скользит взглядом по лицам — быстро, деловито, без задержки, — и вдруг на мне взгляд замирает. На долю секунды дольше, чем это нужно для простого «новый сотрудник, надо познакомиться». Карие глаза смотрят прямо, без того вежливого равнодушия, с которым обычно рассматривают незнакомых людей, и в животе у меня что-то неприятно и предательски вздрагивает — тёплая, совершенно неуместная волна, которую я тут же гашу усилием воли.

Перелёт. Недосып. Голова не варит, вот и мерещится всякое.

— Доброе утро, — говорит он, и голос у него низкий, без лишней теплоты, но и без холодности тоже — ровный, как хорошо скроенный костюм. — Сегодня у нас пополнение в команде, так что буду краток.

Он обводит взглядом комнату, перечисляет пару организационных вещей — сроки по текущей коллекции, график показа тканей поставщикам, — и говорит это с той лёгкостью человека, для которого подобные собрания давно стали рутиной, а не событием.

— Я рассчитываю, что все, кто сегодня здесь, будут работать так, как привыкли работать в «Luna» — на результат, а не на репутацию, — произносит он под конец, и в этот момент его взгляд снова на мгновение останавливается на мне.

Может, показалось. Может, он просто обвёл комнату по кругу и случайно задержался на новом лице дольше положенного. Но мне кажется — нет, не кажется, — что последняя фраза произнесена чуть иначе, будто адресована не всем пятнадцати, а одной мне.

Я опускаю взгляд на бордовый бархат перед собой, разглаживаю несуществующую складку на юбке — тот же предательский жест, что был в лифте десять минут назад, — и мысленно отчитываю себя: соберись. Устала. Перелёт. Пустое.

Марина рядом со мной чуть склоняет голову набок, переводя взгляд с Алекса на меня и обратно, будто что-то для себя подмечает, и от этого короткого, цепкого взгляда по коже пробегает холодок куда более ощутимый, чем всё, что я почувствовала секунду назад.

— Ну что ж, — произносит Алекс, закрывая папку под мышкой, — удачной работы всем. — И, не задерживаясь больше ни на секунду, выходит из переговорной так же стремительно, как вошёл.

Разговоры вспыхивают снова, будто и не затихали, но я ещё долго сижу неподвижно, глядя на то место у торца стола, где он только что стоял, и спрашиваю себя, почему воздух в комнате до сих пор кажется чуть плотнее, чем десять минут назад.

* * *

Переговорная пустеет медленно, будто все разом забывают, как встают со стульев. Я дожидаюсь, пока последний силуэт скроется за дверью, и только тогда иду искать своё место.

Стол находится у окна, выходящего прямо на шоурум: внизу, за стеклянной перегородкой, тянутся ряды вешалок с образцами прошлой коллекции, манекены замерли в позах, которые модельеры называют «динамикой», а я — просто неудобными. Вид неплохой. Свет падает ровно, без лишних бликов, и это единственное, что успокаивает в первые минуты.

Я раскладываю папки с эскизами, привезённые из Нью-Йорка, — ещё студенческие наброски, которые взяла с собой скорее как талисман, чем как рабочий материал, — и провожу ладонью по обложке, разглаживая загнутый уголок. Рядом кладу образцы тканей, свёрнутые в тугие рулоны, пахнущие чужим городом и самолётом. На секунду задерживаю руку на них, будто это может перенести меня обратно, туда, где никто не щурится, оценивая диплом.

Телефон вибрирует в сумке раньше, чем я успеваю разложить всё по порядку. Аня. Будто почувствовала.

Я включаю видеосвязь, прислоняю телефон к стопке альбомов и опускаюсь на стул.

— Ну как тебе Москва? — голос у неё бодрый, слишком бодрый для моего состояния.

— Москва прекрасна, — говорю я, подпирая щёку рукой. — А вот коллектив — отдельный вид искусства.

— Рассказывай.

— Заместитель креативного директора решила, что раз у меня диплом не московского вуза, значит, меня стоит понюхать на входе, как подозрительную посылку.

Аня фыркает на том конце, и в этом фырканье столько узнавания, что мне становится чуть легче.

— То есть всё как обычно, — говорит она. — Ты приезжаешь, а местные примы сразу чуют конкурентку.

— Я бы не называла это конкуренцией. Скорее — ревизией.

— Соня.

— Что?

— Хватит шутить, я же тебя двадцать лет знаю, — её голос теплеет, теряет наигранную лёгкость. — Как ты сама?

Я молчу секунду дольше, чем планировала, и смотрю в окно на ряды манекенов внизу.

— Нормально, — говорю наконец. — Устала. Перелёт, акклиматизация, вот это всё.

— Ты получила это место не по звонку, а по портфолио, — произносит Аня твёрдо, будто уже знает, о чём я думаю, даже не договаривая. — Кадровый отдел сам тебя нашёл, помнишь? Ты им не звонила, не просила. Они на тебя вышли.

— Я помню.

Фраза должна была успокоить, и отчасти успокаивает, оседает тёплым пятном где-то под рёбрами. Но где-то глубже, в том месте, куда я давно запретила себе заглядывать, старая заноза всё равно отзывается глухой болью, как шрам перед переменой погоды. В Нью-Йорке мне тоже говорили: ты здесь по таланту. А потом шептались за спиной иначе.

— Спасибо, — говорю я и улыбаюсь, уже увереннее. — Правда. Мне это было нужно.

Мы прощаемся быстро, Аня убегает на какую-то встречу, обещает позвонить вечером, и экран гаснет, оставляя меня одну в комнате, где пахнет свежим кофе и чужой тканью.

Я возвращаюсь к бумагам. Среди эскизов — папка с документами по текущему проекту, которую мне выдали на ресепшене вместе с пропуском: график работ, список материалов, лист согласования моего назначения. Я листаю его почти машинально, скользя взглядом по строчкам, которые должны быть простой формальностью, — и застываю на подписи внизу листа.

Воронцов Алекс Александрович.

Не начальник отдела кадров, не Марина, не кто-то из линейных руководителей — президент компании лично завизировал назначение младшего дизайнера. Подпись размашистая, уверенная, будто он не раздумывал ни секунды, когда ставил её.

Я смотрю на эти несколько букв дольше, чем положено смотреть на обычную подпись в обычном документе.

Зачем президенту компании с четырьмястами сотрудниками визировать назначение одной конкретной сотрудницы третьего ранга? У него явно есть дела важнее, чем бумажки по

кадровым перестановкам в креативном отделе. Если только это не рутина, не привычка проверять каждую мелочь, не имеющая никакого отношения ко мне лично.

Я заставляю себя не додумывать. Мало ли какая у них система подписей, мало ли сколько документов проходит через его стол за день, мало ли что значит этот взгляд в переговорной, который задержался на секунду дольше положенного.

Перелёт. Недосып. Голова ищет сюжеты там, где их нет.

Я захлопываю папку, кладу её поверх стопки эскизов и провожу ладонью по столу, будто могу стереть саму мысль прикосновением.

Никаких поблажек. Я повторяю это себе так же твёрдо, как повторяла четыре года назад, перед первым показом в Parsons, когда за спиной шептались, а я делала вид, что не слышу. Только работа. Только результат. Пусть здесь решают по эскизам, а не по лицу, не по акценту, не по подписи на документе, которая почему-то не даёт покоя.

Я придвигаю к себе чистый лист и беру карандаш, но прежде чем начать набрасывать первую линию, невольно бросаю взгляд в сторону двери, за которой минуту назад скрылся Алекс, и спрашиваю себя, заметит ли кто-нибудь в этом здании хоть что-то, кроме того, как я выгляжу в переговорной под пристальными взглядами всей команды.

Глава 2

"Алекс"

Переговорная на третьем этаже пахнет свежей краской и кофе из автомата. Я вхожу минута в минуту, как вхожу всегда, когда собрание назначено на моё имя, и двадцать человек креативного отдела синхронно встают, будто я дёрнул за невидимую нить. Сажусь во главе стола, раскрываю папку, которую даже не буду читать, и начинаю так, как начинал десятки раз до этого.

— Коллеги, спасибо, что собрались. У нас пополнение команды, и прежде чем перейти к графику по новой коллекции, я хочу представить тех, кто присоединился к отделу в этом месяце.

Голос у меня ровный, отработанный годами публичных выступлений, в нём ни намёка на то, что творится внутри грудной клетки последние три дня, с тех пор как мне на стол легло личное дело с фотографией и фамилией, которую я не позволял себе произносить вслух даже про себя. Я скольжу взглядом по списку, называю имена, киваю каждому новому лицу с ровно отмеренной долей внимания, не больше и не меньше, чем остальным.

И тогда я доходу до неё.

Она сидит у окна, вполоборота, свет падает на светлые волосы так, что кажется, будто они светятся сами по себе, без всякого участия солнца. Та же посадка плеч, та же манера держать спину прямо, не напрягая её, словно это не усилие, а природа. Я называю её имя — Соня Миронова — и в этот момент что-то в горле запинается, одно слово проглатывает другое, и я слышу собственную паузу так ясно, будто она длится не секунду, а минуту.

Это она.

Я узнаю её раньше, чем успеваю подумать, что узнавать нечего, что прошло почти два года, что лица стираются, а память любит играть с нами в подлые игры, подсовывая похожие черты вместо тех, что мы ищем. Но тело реагирует быстрее разума: сердце ударяет один раз тяжело, с отдачей в висках, и я вспоминаю тот вечер в Нью-Йорке так отчётливо, будто он случился вчера, а не был мимолётной вспышкой на выставке, которую я тогда едва успел зафиксировать взглядом прежде, чем толпа сомкнулась и унесла её прочь.

Тогда я не знал её имени. Не знал, откуда она, кем работает, замужем ли. Знал только одно: что весь оставшийся вечер я смотрел по сторонам, ища этот профиль среди сотен других, и не нашёл, и злился на себя за это полночи, убеждая, что мне просто показалось что-то, чего не было.

А теперь она сидит в моей переговорной, в моём здании, и смотрит на меня с тем же выражением вежливой настороженности, с каким смотрят на начальника, которого видят второй раз в жизни.

Она меня не узнаёт.

Эта мысль обжигает сильнее, чем я готов признать. Два года я иногда вспоминал тот вечер — не часто, не навязчиво, но достаточно, чтобы знать: образ не стёрся. А для неё я, судя по всему, просто ещё одно лицо из списка руководства, ещё одна подпись на документе о приёме.

— Соня приехала из Нью-Йорка, — говорю я, и слышу, как собственный голос подбирает нужную интонацию, ровную, деловую, без единой трещины. — Закончила Parsons, работала с несколькими американскими брендами. Будет заниматься женской линией в команде Марины.

Марина сидит слева от меня, и я чувствую, не глядя, как она меняет позу, едва заметно, но достаточно, чтобы я понял: она заметила. Заметила ту долю секунды, на которую мой взгляд задержался дольше положенного, ту паузу перед именем, которая прозвучала почти как запинка. Марина слишком хорошо меня знает, слишком долго была рядом, чтобы не считать подобные мелочи.

Собрание заканчивается через двадцать минут, обычных, рабочих, ничем не примечательных минут, если не считать того, что внутри меня они тянутся как час. Я встаю первым, как положено, киваю всем сразу, не задерживаясь ни на ком дольше секунды, и выхожу за дверь.

В коридоре я останавливаюсь на мгновение, прежде чем свернуть к лифту, и прижимаю два пальца к переносице, будто это может вернуть мне привычную собранность. Двадцать лет я учился не терять контроль ни над лицом, ни над голосом, ни над тем, что происходит в моей голове, когда вокруг люди. Отец умер, оставив мне компанию и работников, которые смотрят на меня так, будто я родился с готовым ответом на любой вопрос, и всё это время я держал марку, не позволяя себе ни одной трещины.

А сейчас земля под ногами качнулась на полсантиметра, незаметно для всех, кроме, может быть, Марины, которая слишком хорошо меня знает.

Я убираю руку от лица и иду к лифту так, будто ничего не произошло. Но где-то за грудиной застряло и не отпускает ощущение, что контроль, которым я так гордился все эти годы, только что дал первую трещину — и трещина эта носит имя, которое я не могу забыть уже два года.

* * *

Двери лифта закрываются с тихим шорохом, и зеркальная сталь на секунду возвращает мне моё собственное лицо, прежде чем кабина трогается вниз. Я закрываю глаза. Мне не нужно открывать их, чтобы увидеть то, что всплывает теперь каждый раз, когда я пытаюсь занять голову делами.

Нью-Йорк, два года назад. Деловая поездка, которую организовал ещё отец, за полгода до того, как сердце у него остановилось прямо в кабинете, среди эскизов новой коллекции. Один из американских университетов устраивал студенческий показ, закрытый, для партнёров и потенциальных работодателей, и меня туда привёл Макс, уверяя, что я обязан «посмотреть на свежую кровь», пока не подписал контракт с очередным поставщиком тканей.

Я стоял у края подиума, скучая, с бокалом, который так и не допил, когда услышал её голос. Не увидел сначала, услышал, резкий, уверенный, звучащий так, будто хозяйка этого голоса никогда в жизни не сомневалась ни в одном собственном решении.

— Крой держит форму, потому что я его так построила, — говорила она кому-то, кто стоял спиной ко мне, кажется, преподавателю или куратору показа. — Если вы срежете складку здесь, силуэт просто рухнет. Это не вопрос вкуса, это вопрос физики ткани.

Я повернул голову и увидел её впервые. Светлые волосы собраны в неаккуратный узел, несколько прядей выбились и падали на скулу, которую она то и дело раздражённо отбрасывала запястьем, не прерывая спора. Платье на манекене рядом с ней было смелым, с асимметричным вырезом, и она защищала каждый сантиметр этой ткани так, будто от этого зависела её жизнь, а не оценка за курс.

Собеседник пытался возразить что-то про «академическую традицию», и я помню, как у неё дёрнулся уголок рта, не в улыбку, в нечто более острое, почти презрительное, прежде чем она произнесла, отчеканивая каждое слово:

— Традиция хороша, когда она работает. Эта не работает. Посмотрите на драпировку сами, а не в учебник.

Она так и не повернулась ко мне. Я стоял в четырёх шагах, в костюме, который стоил больше, чем, вероятно, её месячная стипендия, и она не удостоила меня ни единым взглядом, целиком поглощённая своей правотой, своей тканью, своим упрямством. Меня это задело тогда острее, чем следовало бы. Я привык, что люди замечают меня в первую секунду, что в комнате, куда вхожу я, внимание перераспределяется само собой. А эта девушка со сбившейся прядью волос смотрела мимо меня так, будто я был частью интерьера.

Я мог подойти. У меня была визитка, была возможность, был весь вечер впереди. Куратор показа стоял достаточно близко, чтобы шепнуть мне её имя, стоило только спросить. Но я

не спросил. Президент «Luna», тридцати двух лет, унаследовавший компанию полгода назад, не подходит к студенткам на показах, не ищет повода заговорить, не позволяет себе смотреть дольше необходимого. Отец воспитывал меня так, что любая слабость, замеченная публично, становилась трещиной, в которую потом лезли все, кому не лень: партнёры, пресса, совет директоров. Я отвернулся первым. Это была единственная уступка контролю, которую я себе тогда позволил, развернуться и уйти, оставив голос в памяти без имени и без лица, которое я толком не рассмотрел.

Лифт дёргается на одном из этажей, и я открываю глаза, но картина не отпускает. Она не отпускала меня месяцами тогда, появлялась в самых неподходящих местах: на переговорах, когда партнёр монотонно читал цифры по контракту, и я вдруг слышал этот голос, отстаивающий складку платья; ночью, когда я засыпал и видел не лицо, а именно эту упрямо вздёрнутую линию подбородка. Я убеждал себя, что это просто усталость, перегрузка после смерти отца, естественная реакция мозга цепляться за случайный яркий образ среди бесконечной серости документов и соболезнований.

Я лгал себе тогда так же старательно, как собираюсь солгать и сейчас.

Потому что где-то под всей этой рациональной бронёй, под привычкой держать лицо и подписывать документы ровным почерком, всё это время жила одна простая, неприличная для человека моего положения мысль: я надеялся снова её встретить. Не искал, не нанимал сыщиков, не проверял списки выпускников Parsons, просто надеялся, тихо, упрямо, как надеются на вещь, в которую стыдно признаться даже себе.

Лифт останавливается на моём этаже. Двери открываются с механическим вздохом, и я выхожу в коридор, застёгивая пиджак на ходу, уже понимая, что ждало меня сегодня на собрании не случайностью, а тем самым исполнением, которого я так долго не позволял себе хотеть вслух.

* * *

Кабинет встречает меня тишиной, которую я сам же завёл в привычку: ни одной лишней вещи на столе, шторы под одним углом, стакан воды на подставке точно там, где его оставила уборщица утром. Я прохожу мимо стола и останавливаюсь у стены, где в простой чёрной раме висит отец. Фотография сделана за год до его смерти, на открытии шоурума в Милане, он стоит вполоборота, с тем самым выражением лица, которое отрабатывалось десятилетиями: ни тени сомнения, ни намёка на усталость.

Я помню день, когда эта рама появилась здесь. Через неделю после похорон, когда юристы ещё заканчивали перекладывать документы на моё имя, а мать молчала за закрытой дверью своей комнаты третий день подряд. Бабушка тогда сказала мне одну фразу, и я ношу её с собой, как визитную карточку: «Женщины в нашей семье шьют платья. Мужчины держат компанию». Мне было тридцать два, и я узнал об этом грузе раньше, чем успел оплакать отца как следует.

С того дня я учился не показывать слабости. Не совету директоров, которые при первом же колебании в моём голосе на собрании начали бы искать, кем меня заменить. Не матери, которая смотрела на меня теперь не как на сына, а как на единственную опору фамилии. Не бабушке, чей взгляд умел находить трещину быстрее любого аудитора. Я научился держать лицо так, что даже Дмитрий, друживший со мной со студенческой скамьи, не мог сказать наверняка, когда мне плохо, а когда просто скучно на очередном совещании.

За эти два года я не терял контроль ни разу. Ни на переговорах, когда партнёры пытались продавить цену ниже рынка, ни на заседаниях, где Дмитрий аккуратно подкидывал сомнения в мою компетентность, обёрнутые в заботу об интересах компании. Контроль был единственным, что принадлежало мне безраздельно, единственным, что отец оставил мне в наследство вместе с долгами перед именем «Luna».

И вот сегодня, в зале для собраний, эта броня дала трещину за три секунды, прежде чем я успел понять, что происходит.

Раздражение приходит медленно, но верно занимает всё пространство в груди, вытесняя остатки той тёплой, почти мальчишеской радости узнавания, которая была в лифте минуту назад. Потому что дело не в том, что я вспомнил девушку из Нью-Йорка. Дело в том, что я не могу заставить себя перестать о ней думать прямо сейчас, в собственном кабинете, перед портретом отца, который научил меня не хотеть ничего настолько сильно, чтобы это было заметно со стороны.

Соня Миронова стала первой вещью за долгое время, которую я не могу контролировать. Я не выбирал этот образ, который жил в моей голове несколько лет без спроса. Я не планировал, что она окажется в списке новых сотрудников моей компании. Я даже не знал её фамилии до сегодняшнего утра, пока не прочитал её в документах кадрового отдела, и это незнание злит меня едва ли не больше, чем сам факт её появления здесь.

Личный интерес к сотруднице. Я проговариваю эту фразу внутри себя так, как проговаривал бы пункт из контракта, который отказываюсь подписывать. Для человека, носящего фамилию «Luna», личный интерес к подчинённой не роскошь, а прямой путь к скандалу, который Дмитрий использует в ту же секунду, как только почует слабину. Совет директоров не простит мне ни одной женщины в штате компании, если узнает, что президент теряет голову при виде новой сотрудницы креативного отдела. Мать не простит мне компрометации имени, за которое она держится с тех пор, как ей самой не позволили встать во главе этой компании. Я обязан быть тем, кем был последние два года, человеком без слабостей, человеком, которого нельзя пошатнуть.

Я сажусь за стол, достаю телефон, открываю почту с намерением заняться чем угодно, лишь бы не этим наваждением. Письма от поставщиков тканей, отчёт по продажам прошлой коллекции, запрос от юридического отдела по поводу контракта с итальянской фабрикой. Я читаю строчки, не понимая ни слова, потому что часть сознания уже занята другим вопросом, который я отказываюсь называть прямо.

Какой повод будет достаточно убедительным, чтобы я мог оказаться рядом с ней, не вызывая подозрений ни у совета директоров, ни у себя самого.

Я откладываю телефон и смотрю на портрет отца ещё раз, будто ищу в его лице осуждение или разрешение, хотя знаю заранее, что не найду ни того, ни другого. Просто холст и краска, застывшее выражение человека, который никогда не позволял себе того, что я уже обдумываю сейчас, называя это деловой необходимостью прежде, чем успеваю назвать это правдой.

* * *

Макс входит без стука, как всегда, с планшетом под мышкой и выражением человека, которому уже сказали, что день будет длинным.

— Звал?

— Коллекция «Миронова», — говорю я, не отрываясь от монитора. — Беру под личный контроль.

Он замирает на середине шага к креслу.

— В смысле — лично?

— В прямом. Буду курировать весь процесс, от эскизов до презентации инвесторам.

Макс садится медленно, будто проверяет, не провалится ли под ним пол.

— Алекс, это коллекция сотрудницы, которая работает здесь три недели. У нас в штате пятнадцать дизайнеров с опытом, и президент компании никогда лично не спускался на уровень рядового проекта. Даже когда отец был жив, он этим не занимался.

— Эта коллекция пойдёт на весеннюю презентацию инвесторам. Ты сам показывал мне цифры — прошлый сезон недотянул на восемь процентов. Нам нужен прорыв, а не ещё одна ровная линия на вешалках.

Я говорю это ровно, глядя в экран, где строчки отчёта давно слились в серый шум. Аргумент хороший. Аргумент даже честный, если не копать глубже той глубины, на которую я сам готов себе признаться.

— У неё интересный почерк, — продолжаю. — Я видел её эскизы в папке кадрового отдела. Там есть потенциал, который грех не довести под личным контролем.

— Под личным контролем, — повторяет Макс медленно, с той интонацией, с которой проверяют, не треснула ли ваза. — Алекс, у нас в компании человек двадцать дизайнеров с папками эскизов. Ты хоть раз за два года открывал хоть одну из них?

Я поднимаю взгляд наконец, потому что молчать дольше значит признать что-то, чего признавать не собираюсь.

— Это имеет отношение к делу?

— Имеет отношение, — он откидывается в кресле, скрещивает руки, — к тому, что на собрании сегодня утром ты застыл на середине фразы минимум секунд на пять, глядя на новую сотрудницу. Я сидел третьим в ряду, Алекс. Я видел.

Что-то в груди сжимается коротко и резко, как будто меня поймали не на мысли, а на поступке. Я заставляю голос звучать так же ровно, как минуту назад.

— Я представлял новый состав отдела. Естественно, я смотрю на людей, которых представляю.

— Пять секунд на одном лице — это не представление, это пауза.

— Макс.

Одно слово, тон, которым я закрываю совещания, когда дискуссия перестаёт быть продуктивной. Обычно этого достаточно. Сейчас он не отступает сразу, смотрит на меня ещё секунду дольше, чем нужно для простого делового разговора, и я вижу, как что-то меняется в его лице — не удивление уже, а любопытство другого рода, более осторожное. Будто он только что нашёл трещину в стене, которую считал несущей.

— Ладно, — говорит он наконец, переводя взгляд на планшет, открывая заметки, голос снова деловой. — Тогда формально. Хочешь, чтобы я согласовал это с советом директоров или оставим между нами до первой отчётности?

— Пока между нами. Это внутреннее распределение нагрузки, не требует голосования.

— Требует, если кто-то захочет это раздуть, — Макс не смотрит на меня, когда это говорит, будто специально даёт мне пространство не реагировать слишком явно. — Совет не любит, когда президент лично занимается креативом. Особенно если это выглядит как... персональный интерес к конкретному проекту конкретной сотрудницы в первый месяц её работы. Дмитрий уже ищет, за что зацепиться перед голосованием. Дай ему повод, и он сделает из этого историю на целое заседание.

— Это не повод. Это решение, продиктованное интересами компании.

— Я знаю, что ты так скажешь, — он встаёт, убирает планшет под мышку, смотрит на меня уже без прежней осторожности, прямо, как смотрят люди, знакомые с тобой дольше, чем это удобно. — Просто подумай, как это будет выглядеть со стороны, прежде чем решать с кем сидеть один на один над эскизами.

Он выходит, не дожидаясь ответа, и дверь закрывается с тихим щелчком, который почему-то звучит громче, чем должен. Я остаюсь за столом, глядя на закрытую дверь, и впервые за долгое время ловлю себя на мысли, что совет в его словах имел смысл, который я слышу прекрасно, и именно поэтому проигнорирую.

* * *

Макс ещё не успел выйти из приёмной, когда я снимаю телефон и набираю внутренний номер креативного отдела.

— Соня Миронова, переговорная два, через десять минут. Принесите эскизы по осенней линии.

Голос в трубке звучит ровно, с лёгкой заминкой на моём имени, как будто она проверяет, не ослышалась ли.

— Хорошо. Буду.

Она приходит ровно через девять. Папка под мышкой, волосы собраны в узел, из которого выбилась одна прядь, и я отмечаю это раньше, чем успеваю одёрнуть себя за то, что отмечаю вообще что-то, кроме содержимого папки.

— Садитесь, — говорю я, указывая на стул напротив, и голос у меня звучит именно так, как должен звучать голос президента компании на рабочей встрече, ни больше ни меньше.

Она садится, кладёт сумку на соседний стул, папку открывает на столе между нами. Движения точные, без лишнего, и это раздражает меня ровно настолько же, насколько восхищает: она не суетится, не пытается произвести впечатление, держится так, будто перед ней не человек, подписывающий её зарплату, а просто ещё один пункт в расписании дня.

— По срокам, — она переворачивает страницу, — первая линия эскизов готова, но я бы хотела пересмотреть крой двух моделей. Ткань не держит форму так, как задумано.

— Покажите.

Она придвигает папку ближе, и я наклоняюсь над столом, чувствую слабый запах то ли её духов, то ли просто чистых волос, что-то цитрусовое и совершенно не навязчивое, и мне требуется усилие, чтобы смотреть на линии карандаша, а не на то, как она держит ручку.

— Здесь, — я указываю на силуэт, — слишком вольно для осенней коллекции. Инвесторы ждут узнаваемый почерк дома, не эксперимент.

— Эксперимент — это то, ради чего меня сюда звали, — она не поднимает голову, но в голосе появляется что-то острое, как лезвие, спрятанное в бархате. — Или вы хотите, чтобы я рисовала то же самое, что рисовали десять лет назад?

— Я хочу, чтобы вы рисовали то, что продаётся.

— Тогда вам нужен не дизайнер, а принтер.

Что-то в груди у меня сжимается не от раздражения, а от удовольствия, которое я тут же прячу за сдвинутыми бровями. Она не боится. Она первая за долгое время, кто говорит мне «нет» так легко, без заминки, без того заискивающего тона, которым привыкли разговаривать со мной все остальные в этом здании.

— Договоримся так, — говорю я, выпрямляясь, — вы перерисуете два силуэта к пятнице, я посмотрю оба варианта. Консервативный и ваш.

— А если ваш консервативный проиграет моему?

— Тогда я признаю, что был неправ. Это случается реже, чем хотелось бы, но случается.

Она впервые за весь разговор поднимает взгляд, и в её глазах мелькает что-то похожее на удивление, будто она не ожидала такого ответа, и я позволяю себе на секунду дольше задержаться на этом взгляде, чем требует деловой этикет.

Телефон на столе рядом с её рукой вибрирует, высвечивая имя, которое я не успеваю прочитать. Она хмурится, берёт трубку, отворачивается к окну, отвечает коротко, по-деловому, кому-то из отдела снабжения насчёт поставки ткани.

Я встаю, будто чтобы размять ноги, обхожу стол с видом человека, которому просто нужно подойти к окну, и останавливаюсь у стула, на котором лежит её сумка. Открытая сверху, небрежно, как у человека, которому нечего скрывать и некогда думать о мелочах вроде замков.

Рука движется быстрее, чем успевает включиться совесть. Плоский диск трекера, завёрнутый в клочок образца шерстяной ткани, той самой, что мы как раз обсуждали минуту назад, опускается на дно сумки между косметичкой и блокнотом. Со стороны это выглядит так, будто я просто поправил её бумаги, случайно задел сумку локтем.

— Хорошо, пришлите образцы на согласование, — говорит она в трубку и кладёт телефон обратно на стол, разворачиваясь ко мне. — Простите, срочное.

— Ничего, — я уже у окна, руки сложены за спиной, вид самый невозмутимый, какой у меня бывает перед советом директоров. — Так на пятницу, оба варианта.

— Как скажете, — в её голосе снова проскальзывает та колкость, которая мне нравится больше, чем следовало бы, — господин президент.

Она забирает папку, встаёт, перекидывает сумку через плечо, не замечая лишнего веса в десять граммов, который теперь будет ездить с ней повсюду. Я смотрю, как закрывается дверь переговорной, и говорю себе то, что говорил весь сегодняшний день: это просто мера предосторожности, важный проект, важная сотрудница, компания не может позволить себе риски на этапе работы над ключевой коллекцией.

Слова складываются ровно, звучат убедительно даже для меня самого. Жаль только, что где-то внутри, в том месте, которое давно перестало мне врать, я прекрасно знаю: дело не в коллекции.

* * *

Дверь за ней закрывается тихо, почти без звука, но я всё равно стою у окна и смотрю на пустое пространство переговорной, будто она ещё здесь, будто если я досмотрю этот момент до конца, что-то изменится.

Шаги в коридоре удаляются. Сначала уверенные, потом тише, потом совсем растворяются в обычном шуме этажа, в голосах, в звоне лифта. Я считаю секунды, которые позволяю себе простоять так, с лицом, которое никто не видит, и понимаю, что досчитал до тридцати, а это неприлично долго для человека, который всего лишь обсуждал рабочий график с новой сотрудницей.

Телефон в кармане пиджака становится тяжелее, чем должен быть. Я достаю его и открываю приложение, которое установил себе ещё утром, пока ждал звонка от Макса с подтверждением, что трекер готов. На экране разворачивается план офиса, серые линии коридоров, подписанные номерами переговорных, и зелёная точка, живая, пульсирующая мягким светом, движется по направлению к лифтам.

Вот она. Третий этаж, переход к центральному холлу. Сигнал держится крепко, без помех, будто создан для того, чтобы я видел каждый её шаг.

Я смотрю на эту точку дольше, чем нужно для проверки работоспособности устройства.

Что-то во мне сжимается, похожее на тошноту, когда я осознаю, что сделал. Я, Алекс Воронцов, президент компании с двадцатилетней историей, человек, который подписывает контракты на миллионы и ни разу не позволил себе лишнего жеста при совете директоров, только что подложил слежку в сумку женщины, которую знаю меньше суток. Не агенту конкурентов. Не человеку, подозреваемому в утечке данных. Дизайнеру. Той, что спорила со мной насчёт силуэта платья с таким упрямством, будто я не её начальник, а просто неправый оппонент.

Отвращение приходит резко, почти физически, где-то под ложечкой, и я на секунду задерживаю палец над красным крестиком в углу экрана, готовый стереть приложение, выбросить его из телефона так же, как выбросил бы случайную ошибку в отчёте.

Но палец не двигается.

Зелёная точка останавливается у лифта. Я представляю, как она стоит там сейчас, перекладывает папку из одной руки в другую, может быть, проверяет телефон, может быть, хмурится, вспоминая наш разговор. Мысль о том, что я не буду знать, где она находится через час, через два, вечером, когда уедет домой, вызывает что-то похожее на голод, нелепый, недостойный, но от этого не менее настоящий.

Я убираю телефон обратно в карман и говорю себе, что это временно. Что как только коллекция будет готова, я удалю приложение, сниму трекер, забуду, что вообще это придумал. Ложь звучит складно, даже убедительно, но я давно перестал обманываться собственным тоном.

В памяти всплывает голос Макса, спокойный, с той осторожной прямотой, которую он единственный в этом здании может себе позволить. Совет директоров не любит, когда президент лично занимается креативом, это может выглядеть странно. Я отмахиваюсь от этого воспоминания так же, как отмахнулся утром, вставив между строк формальное объяснение про важность коллекции для инвесторов. Совет директоров может думать что угодно. Пока я приношу компании прибыль, пока цифры растут, а линии одежды продаются, никто не посмеет задать мне вопрос напрямую.

Я верю в это ровно до тех пор, пока не вспоминаю лицо Дмитрия на последнем собрании, его манеру слушать с чуть прищуренными глазами, будто он уже готовит материал для досье. Мысль неприятная, я убираю её в сторону, туда же, куда убрал минуту назад предупреждение Макса.

За окном переговорной начинает темнеть раньше обычного, московское небо затягивает низкими облаками, и свет в комнате кажется жёлтым и неживым. Я стою один, в пиджаке, застёгнутом на все пуговицы, с лицом человека, полностью контролирующего ситуацию, и знаю, что это ложь, которую я буду повторять себе ещё долго.

Зелёная точка на экране телефона жжёт мне карман сильнее, чем должна бы жечь обычная технологическая деталь. Я понимаю это с ясностью, которая обычно приходит слишком поздно: я только что перешёл черту, назад от которой может не быть дороги, и единственное, что меня по-настоящему пугает, это не совет директоров, не Дмитрий и не возможный скандал.

Пугает то, что мне совершенно не хочется поворачивать назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.